

МУРЗИЛКА

1
Библиотека
Алматы
В. И. Ленин
6300

ОГИЗ ДЕТГИЗ

МАЙ 1935

№ 5

XX 63
11

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дети шуцбундовцев. Рассказ Анны Гринберг. Худ. М. Михаэлис	1
Майская песенка В. В. Маяковского. Худ. А. Щербаков	7
Курт. Рассказ А. Некрасова. Худ. К. Кузнецов	8
Погоня. Рассказ В. Татаринова. Худ. В. Веретенников	13
Колокольчики. Стихи А. К. Толстого. Худ. А. Брей	14
„Дети“. С картины худ. В. А. Серова .	15
Зверь бурундук. Рассказ Михаила Пришвина. Худ. В. Губин	16
Резиновая Зина. Шутна-скороговорка. А. Барто. Худ. Л. Попова	18
Вверх винтом. А. Абрамов. Худ. Д. Смирнов	19
Кузнечик. Е. Благинина. Худ. А. Брей . .	21
Загадки-шутки	22
На обложке рисунок художника Л. Бруни	

МУРЗИЛКА

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

МАЙ 1935

№ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ДЕТГИЗ. Адрес: Москва, Б. Черкасский, 7. Тел. 71-86

XX 63
11

РОССОБЪЕДИНЕНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

ДЕТИ ШУЦБУНДОВЦЕВ

А. Гринберг
Худ. М. Михаэлис

Б

ыло раннее утро в Бруке, австрийском городе. Церковные часы пробили шесть раз. В это время на окраину города неслышно вышли полицейские в плоских фуражках.

Кругом было пустынно, было угрюмо. Никто не выходил из рабочих домов на улицу.

Фашисты победили. Февральские бои окончились.

Полицейские осторожно подкрались к низкому домику.

В домике было тихо. Карл только что спрыгнул с кровати и надел свои толстые кожаные штаны. Он носил их четыре года.

Карл оделся, но делать ему было нечего. Мать сидела у стола, опустив руки. Работы не было. Отец скрылся,— он унес с собой под кожаным плащом разобранный пулемет.

В комнате было холодно. Возле матери лежала большая собака.

Карл покружил на одной ноге и погладил собаку. Потом он сказал матери:

— Я пойду в лес за хворостом.

Но в это время собака насторожилась

и вскочила. Она нажала твердыми лапами дверную ручку и выбежала.

Справа у стены крался вооруженный полицейский. Собака обрушилась на него, как мохнатая туча. Он упал. Но слева подкрадывался другой. Собака зарычала и повалила его тяжелыми лапами. Из-за сарая бежал третий, за ним четвертый... Кто-то выстрелил.

Карл выглянул из кухни и крикнул матери:

— Полиция!

Тогда мать сказала:

— Позови собаку,— они застрелят ее.

Собака влетела в открытую дверь и легла возле матери.

В комнату затопали тяжелыми ногами полицейские. Главный закричал:

— Ваш муж—шуббундовец, участник боев! Он дрался на баррикадах. Где он?

Мать ответила слабым голосом:

— Я не знаю.

Тогда полицейский хотел схватить ее за руку. Но собака прыгнула прямо к его горлу. Полицейский споткнулся и закричал:

— Уберите своего пса!

Мать позвала негромко, ласково:

— Лорд! Собачка!

Тогда собака отпустила полицейского. Она легла на прежнее место, но глаза у нее были налитые, кровавые, из горячей пасти торчали два длинных, два оскаленных зуба. Она рычала.

Старший полицейский сказал:

— Придется сделать обыск. Держите собаку. Мальчик, веди на чердак!

КОНФЕТЫ

Полицейские осмотрели чердак и погреб. Перерыли вещи. Наконец, в кухне они сели за стол. И вдруг старший спросил Карла, как будто весело:

— А куда же девался печатный станок? Я видел, как один мальчуган раздавал ваши коммунистические листовки: „Вооружайтесь! В бой за советскую Австрию!“

Другой полицейский прибавил:

— Тот был постарше. Этот маленький.

Полицейские думали, — тут Карл непременно закричит: „Я вовсе не маленький, и печатать я умею, и листовки я раздавал, только станок товарищи моего отца унесли и спрятали там-то и там-то“.

Но Карл ничего не закричал.

Тогда полицейский сказал, как будто с удивлением:

— А ведь мне говорили, что твой отец не очень крепкий человек. Как это он пронесет в горах столько оружия? Пулемет тяжелый. На склонах скользко.

Другой полицейский прибавил:

— Это что! А вот, если упадешь и уронишь ручную гранату, она тут же лопнет и взорвется, костей не соберешь.

Третий полицейский достал из кармана горсть конфет и протянул их Карлу:

— Возьми. Шоколадные!

Но Карл рассердился. Он толкнул рукой конфеты. Они покатались. Полицейский полез их подбирать. Старший полицейский как будто ничего не заметил. Он сказал добрым голосом:

— Я знаю, мальчик, твой отец умный человек. Он просто спрятал оружие.

Оружие ведь можно замуровать в стене, можно сверху заложить кирпичом.

И вдруг он помахал перед Карлом деньгами. На одной бумажке было напечатано: „10 шиллингов“. Он помахал и закричал очень быстро:

— Вот, мальчик, скорей бери деньги и не задерживай нас! Где спрятано оружие?

Но Карл забряцал рукой в кармане и сказал:

— Денег у меня у самого сколько угодно. — В кожаном кармане бренчали игральные шарики. — А оружия у нас и не было никакого.

Наконец, полицейский вскочил, весь красный, и заорал:

— Довольно! Говори, щенок, где твой отец?

Но Карл только пожал плечами. Ничего Карл не сказал.

Тогда полицейский пригнул его голову к кухонному столу и закричал остальным:

— Проучить мальчишку!

Допрос окончился. Полицейские ушли.

Мать сидела и держала собаку. Она спросила торопливо, чуть слышным голосом:

— Ты ничего не сказал? Они тебя били?

Тогда Карл запрыгал на одной ноге и закричал:

— Еще бы! Толстяк отбил себе все руки об мои штаны. Только я ничего не почувствовал.

Потом он прибавил важно и ласково, как отец:

— Замечательные штаны, мать.

Но мать не верила. Мать отвернулась к окну. Плакала мать.

ОТЦЫ

Дни были трудные. Тяжелые настали дни.

Карл смотрел в окно и вдруг говорил матери:

— Петушиные хвосты топают на нашей улице.

Мимо дома шел мерным шагом фашистский отряд. Серые куртки, костяные пуговицы, зеленые отвороты; на шляпе — петушиное перо.

Мать скорее запирает дверь на засов.

Ночью она не спала. Она вставала и смотрела в окно на снега и на лесистые горы возле города. И вдруг она видела: над лесом шарит большим лучом прожектор.

Так смотрели в свои окна все жены шуцбундовцев, потому что там, в горах и сугробах, шли и бежали, и спешили шуцбундовцы. Они тащили на плечах пулеметы. Они ели снег, потому что больше им есть было нечего. За ними вдогонку неслись альпийские егеря на хороших лыжах. Их высматривал своим лучом прожектор. Все в Бруке знали: им нужно пробраться и прорваться к чехо-словацкой границе. Им нужно скрыться из Австрии в чужую страну.

Карл крепко спал ночью. Но утром он выскакивал на улицу и видел: над горами кружит полицейский самолет.

Так смотрели все дети шуцбундовцев в Бруке и в Граце, и в Линце. И знали: это полиция бросает бомбы в их отцов.

От отцов не было известий. Ничего не было известно об отцах.

„КРАСНАЯ ПОМОЩЬ“

Зима кончилась, и вот в горную деревню возле Брука к бабушке Карла осторожно пробрался товарищ из „Красной помощи“ — так в Австрии называется МОПР. Товарищ сказал:

— Отцу не удалось пробраться в Чехо-Словакию, отцу не придется ехать в СССР. Он арестован, скоро будет суд, приговор будет — каторга. Вот пособие для матери — пусть приготовит мальчика: через несколько дней мы отправляем детей шуцбундовцев в СССР.

Бабушка заплакала:

— В СССР голод, там нет молока, для больных детей выжимают сок из картофеля.

Тогда товарищ рассердился. Он хлопнул рукой по столу и сказал бабушке злым шопотом:

— У вашей дочери муж — шуцбундовец, он проливал свою кровь за рабочее дело, а вы слушаете фашистские враки. Советские рабочие дадут нашим детям дом в Москве, наших детей будут учить, кормить и одевать. Они будут жить, как самые знатные люди.

Но бабушка вытирала передником глаза и бормотала:

— СССР — это так далеко. Мальчик уедет — мать останется одна.

Товарищ подумал и сказал:

— В СССР мальчик станет борцом.

Потом он прибавил: — Поторопитесь сообщить вашей дочери.

На другой день бабушка надела праздничный чепец и спустилась по горной тропинке в Брук, к дочери. Она вошла и сказала важно, громким шопотом:

— Заприте хорошенько дверь! Карл,

закрой окна! — И стала рассказывать про „Красную помощь“.

Мать уронила клубок. Маленькая слеза покатилась у нее по щеке. Потом она засмеялась от радости. Но Карл вскочил и засвистал и запел. Он бросился на Лорда и поцеловал свою собаку в жесткое собачье ухо.

Бабушка бормотала:

— СССР — это так далеко.

Но Карл поднял руку и сказал весело и строго, как отец:

— В Эс-Эс-Эс-Эр!

НОСОВЫЕ ПЛАТКИ

„Красная помощь“ дала знать: в такой-то день выехать из Брука в Вену, из Вены — в пограничный городок. В поезде поменьше разговаривать. Остерегаться посторонних. Запомнить условный знак: на венском вокзале держать в руке носовой платок. По знаку подойдет товарищ из „Красной помощи“.

С Карлом ехали Отто и три девочки. Трудно было молчать, но если говорить, то можно проговориться. Поэтому они в дороге пели.

В Вене они вышли. Из толпы к ним быстро подошла работница — товарищ от „Красной помощи“. Вокзал был большой. В автомате за монетку выскакивали зубочистки и мятные лепешки.

И вдруг они увидели: возле зала ожидания стоят шестеро — рука у каждого опущена, в руке носовой платок. Другие четверо с платком в руке шли мимо автомата. Здраваться было нельзя, — только переглянулись.

Так „Красная помощь“ собирала детей шуцбундовцев из Брука и из Граца, и из Линца. Так пробирались тайно к чехословацкой границе и в СССР дети убитых, дети казненных, дети заключенных шуцбундовцев, австрийских рабочих.

ГРАНИЦА

Австрия — небольшая страна. До пограничного городка ехали недолго. Из городка пошли к границе ночью, пешком. Шли молча, быстро, в стороне от большой дороги. Было очень темно. Пришлось

переходить через длинный овраг. Дна оврага не было видно; дождь размыл глину, ноги разъезжались. Пошли по полю. Звезды едва мерцали.

Вдруг кому-то показалось: среди поля шевелится большая копна, — значит, в копне засада. Все бросились на землю. Не шевелиться! Не дышать!

Земля была сырая. Лежать было колко. Копна стояла неподвижно.

Вошли в лес. Шли осторожно, тихо, но сучья трещали. В темноте шелестело и шуршало.

Трудней всего было с малышами. Маленького Польди несли на плечах. Малышу было всего четыре года. Он устал, ему хотелось спать. Ночная птица завывала в лесной тишине. Стало очень страшно. Малыш вдруг закричал тонким голосом:

— Где моя мама? Я хочу к маме!

Но к маме ему нельзя было. Мама его сидела в тюрьме, в одиночной камере.

Вдали показались три быстрых огонька. Товарищ из „Красной помощи“ скомандовал шопотом:

— Скорей на землю! Патруль!

Все повалились лицом и руками в кусты и колючие корни. Три пограничника бесшумно проехали на велосипедах. Фонари бросали длинный луч в чащу.

Так шли дети шуцбундовцев, голодные, сонные, через ночные леса и поля. Они шли в СССР.

Через восемь часов дошли до границы. Осторожно разбились на группы.

С Карлом были Отто и три девочки. Их вела женщина в очках, из „Красной помощи“.

Им осталось только перейти через мост, — за мостом стояла чешская пограничная будка. Но у моста дорогу вдруг загородил австрийский патруль.

— Кто такие? Где документы? Арестованы!

КРАСНЫЕ СОКОЛЫ

Детей отправили обратно, в пограничный городок. Их привели в богадельню и сказали:

— Никуда не выходить. Ждать отправки на родину.

В богадельне жили старики и старухи.

По коридорам ходили монахини. На старшей болталась большая цепь с крестом.

Детям очень хотелось спать, хотелось есть. Но старшая монахиня поджала губы сказала скрипучим голосом:

— Дети, становитесь на молитву.

В богадельне никто не работал. Целый день шли молитвы.

Один раз Карл сказал девочкам:

— Станьте в угол и смотрите, что будет.

В это время две старухи вышли в коридор. Карл сделал шаг вперед и поднял глаза к потолку. Потом он сложил пальцы пучком и приставил пучок ко лбу, к животу, к плечу. Старухи зашипели:

— Бесстыдники! Насмешники! Безбожники! Красные!

Детей посадили в поезд и отправили на родину.

Но в Вене дети незаметно сошли.

Пришлось им ждать новой отправки в Чехо-Словакию. Жили в Вене в рабочих семьях.

В Австрии нет пионеров, — есть „красные соколы“. За городом, в большом овраге, стоял шалаш. „Красные соколы“ собирались тайно в шалаше. Работы было много: помогали отцам — разносили повестки на тайные собрания. Писали лозунги. В свободное время вырезали советскую звезду из красной бумаги, из обоев, из обрывков. Густав — „красный сокол“ — рисовал звезду карандашом. Карл и девочки вырезали. Готовые звезды складывали в коробку.

По дороге из оврага в город Карл и Отто осторожно сыпали красные звезды

из полных карманов на асфальт. Полицейский нагибался к земле налитым лицом. Он злобно отдираал звезду от асфальта. Но возле одной лежала другая — большие и маленькие, бумажные, картонные... Рабочие в толпе смеялись и переглядывались.

Настал день перед отъездом. Вальтер — „красный сокол“ — вздохнул и сказал:

— Хотелось бы мне пройтись с вами там среди бела дня по улице в красном галстуке!

Тогда Карл хлопнул его по плечу и сказал:

— И у нас так будет!

РОДИНА

Из Чехо-Словакии дети шуцбундовцев ехали открыто. Они пели песни. Их было сто шестнадцать. Все перезнакомились.

Ирма говорила девочкам:

— В СССР нет безработицы, — я смогу поступить в няньки.

В это время она еще не знала, что в Москве есть большой часовой завод.

Никто еще не знал, что Ирма, дочь погибшего шуцбундовца, будет учиться в школе ФЗУ на часовом заводе и будет ударницей и станет механиком. Нет, не пришлось австрийской девочке Ирме наняться нянькой в Советском союзе.

Поезд шел через Польшу. Малыши устали и капризничали. Девочкам хотелось скорей вынуть из своих узелков красные галстуки и флажки. Кто-то тихо запел „Интернационал“.

Но в это время польский жандарм прошел по вагону и сказал:

— Революционных песен не петь! Красные тряпки убрать!

Карл не отходил от окна. Он хотел скорей увидеть советскую страну.

И вот поезд замедлил ход. На высокой арке показались дорогие знаки — „СССР“. На красном полотне появились большие запрещенные слова: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Целый оркестр заиграл „Интернационал“

Самые знатные люди страны встречали маленьких, усталых, запыленных детей. Их выносили на руках из вагонов. Им кричали „ура“, им бросали в окна цветы.

Карл соскочил с подножки вагона и его обняла работница в красном платке. На груди у нее был орден. Она говорила по-русски и смеялась, но вдруг Карл заметил: маленькая слеза покатилась у нее по щеке, как в Бруке у матери. Возле работницы стоял красноармеец; он взял Карла за плечи. И вдруг Карлу показалось: это отец в кожаном плаще, с пулеметом под плащом, держит его за плечо в Бруке.

В это время прошла молодая няня в белом халате. Она несла на руках маленького Польди. Малыш смотрел важно круглыми глазами. И вдруг Карл увидел: начальник станции поднял руку и отдает австрийским детям честь.

Как будто произошла замечательная сказка. Но на самом деле это просто дети шуцбундовцев, австрийских рабочих, приехали в советскую страну, на родину трудящихся всех стран, на свою новую родину.

ТОВАРИЦИ

Дети шуцбундовцев приехали в Москву, в широкий переулок, в свой дом. Дети вошли в большой зал. На потолке висела и дрожала хрустальная люстра. В люстре было тридцать две лампочки. У стены стоял гладкий, как будто черное зеркало, рояль. Вокруг потолка были вырезаны деревянные цветы и листья.

В этом доме прежде жил богатый фабрикант.

Маленький Францль из австрийского города Граца стоял возле дивана.

Все было хорошо и красиво в этом доме, все нравилось Францлю. Только матери здесь не было.

Францль стоял очень тихо, и вдруг ему захотелось заплакать.

Но в это время в окно влетела большая стрела из бумаги. Она упала возле Францля. Это была записка. Карл сказал:

— Жаль, что мы еще не умеем читать по-русски.

Но Францль развернул стрелу и вдруг увидел большие настоящие немецкие буквы. Слова были такие:

„Дорогие товарищи! Приветствуем вас на вашей новой родине. Если ваши воспитатели вам позволяют, то приходите к нам во двор играть в волейбол. У нас есть мяч и сетка.

Дети соседнего двора“.

Ирма спросила:

— Что это за письмо?

Францль вертел письмо и смеялся. Тогда Карл мазнул его по голове рукой и сказал:

— Это у Францля новые товарищи, — зовут его в гости на соседний двор!

Помните „Австрийские рассказы“ в „Мурзилке“ № 4 за 1934 г.?

Прочтите их еще раз.

*Владимир
Владимирович
Маяковский
пролетарский
поэт.
Родился в 1894 г.,
умер в 1930 г.*

СТИХИ В. В. МАЯКОВСКОГО

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Зеленые листики —
и нет зимы.
Идем
раздольем чистеньким
и я,
и ты,
и мы.
Весна сушить развесила
свое мытье.
Мы молодо и весело
идем!
идем!
идем!
На ситцах, на бумаге —
огонь на всем.
Красные флаги
несем!
несем!
несем!
Улица рада,
весной умытая.
Шагаем отрядом
и мы,
и ты,
и я.

Худ. А. Щербаков

Курт

А. Некрасов
Худ. К. Кузнецов

Осенью стало так холодно что даже ласточки не выдержали. Они собрались, поспорили и улетели в жаркие страны. Тогда Курт решил что и ему пора ехать в Бразилию.

„В Бразилии всегда тепло. Там круглый год цветут красивые цветы. На цветах сидят пестрые бабочки величиной с шапку и маленькие серые птички. В Бразилии обезьяны живут прямо на пальмах. Они прыгают с ветки на ветку, рвут орехи и бросают их в крокодилов. А орехи такие большие,

что съешь один орех и целый день будешь сыт...

Вот какая страна Бразилия! В такой стране можно неплохо жить“, думал Курт.

А в своей стране Курт жил очень плохо. Он жил в норе, как мышонок. Он устроил нору под старой лодкой, щели засыпал песком, а постель сделал из тряпок и газет. По ночам и в дождливые дни он забирался в свою нору, закапывался в газеты и вспоминал о том, как прежде спал в настоящей кровати. Тогда мама укрывала его теплым мохнатым одеялом, а рядом с кроватью стояла настоящая игрушечная лошадь. По утрам папа уходил на работу, а мама давала Курту бутерброд с медом и учила Курта читать. Это она подарила Курту книжку про Бразилию. В книжке были цветные картинки, а буквы такие большие, что Курт мог прочесть все от начала до конца. Он прочел эту книжку сто раз и знал каждое слово на память.

Только все это было давно. Теперь ни мамы, ни папы у Курта нет. А сам Курт стал беспризорным.

Это случилось весной. Однажды мама разбудила Курта и достала его новые бархатные брюки. А сама надела очень красивое платье, и папа тоже надел новую шляпу и праздничный костюм.

На улице было тепло, и ярко светило солнце. Собралось очень много народу. Мама, папа и другие рабочие взялись за руки, запели веселую песню. Потом они подняли красные флаги и пошли на набережную. Они шагали все вместе, как солдаты.

А Курт убежал вперед. Он бегал быстро и ничего не боялся на улице. Ему уже тогда было семь лет без восьми месяцев.

На набережной Курт остановился. Он увидел пять пожарных автомобилей. Он очень любил пожарных. Но пожарные всегда ездят так быстро, что их не разглядишь. А в этот раз они ехали совсем тихо, и Курт пошел рядом с ними.

Вдруг из переулка вышли шуцманы. Курт никогда не видел столько шуцманов сразу. Они всегда стоят поодиночке на углах и командуют автомобилями. А тут вышло сразу пятьдесят шуцманов или даже сто. На руках у

них болтались резиновые дубинки. Начищенные краги блестели, как кастрюли у мамы на полке. Черные ремешки от касок у всех одинаково лежали на подбородках. И сами шуцманы были все одинаковые. Они шли рядом и шагали, как заводные солдаты. Только один, самый главный и самый сердитый, шуцман шел сбоку. Он командовал: раз-два, раз-два...

И Курт стал шагать, как шуцманы: раз-два, раз-два.

Вдруг сзади что-то зажужжало, как будто низко летит самолет. Курт обернулся и увидел танкетки. Дома у него тоже была игрушечная танкетка, но настоящую танкетку он видел только один раз, и то издали.

А тут сразу десять настоящих танкеток ползли, жужжали и гремели цепями. Точно усы у громадных жуков, шевелились их серые пулеметы. Курт стоял так близко, что видел даже дырочки, из которых вылетают пули.

Потом все остановились и стали поперек набережной: впереди шуцманы, за ними пожарные, а сзади танкетки, как на параде.

И Курт побежал назад, навстречу маме и папе. Они уже почти дошли до набережной. Мама и папа шли рядом в первой колонне. Папа нес красный флаг, и Курт сразу узнал его.

— Мама, папа! — закричал Курт. — Идите скорее! Там пожарные, там шуцманы, танкетки!

Тогда все остановились, а мама взяла Курта за голову и поцеловала в лоб.

— Мы подождем тебя здесь, — сказала она, — а ты сбегай домой и принеси завтрак. Я забыла его на столе. Беги скорее, мой мальчик.

— Идите без меня, а то они уедут! — согласился Курт и побежал домой.

Но он не успел добежать до дому. Сзади затрещало, как будто мальчишки бегут с палками вдоль заборов. Курт обернулся. Он услышал крик и увидел бегущих людей.

Сзади громыхали танкетки.

Люди падали и оставались лежать на мостовой. Фонарь на углу лопнул и фонтаном разлетелся во все стороны.

Курт испугался и побежал домой.

Дома он вспомнил о завтраке, но не нашел его на столе. Он не знал, что делать, и ждал, когда вернутся мама и папа.

Но ни папа, ни мама в тот день не пришли. И на другой день тоже не пришли. И с тех пор Курт их больше не видел. Курт сидел один и плакал. Потом он пошел к хозяйке дома, рассказал ей все, как было, и попросил у нее есть. Но хозяйка рассердилась и есть ему не дала.

Тогда Курт пошел к Берте, с которой играл на дворе. У Берты было два брата и две сестры. Они сами ели хлеб с маргарином только по праздникам, но Бертина мама накормила Курта досыта.

Вечером Курт вернулся домой, но дверь оказалась на замке. Он звонил целый час, но никто не отпер. Тогда Курт пошел искать себе новый дом.

Он забрался в теплый подъезд, но швейцар, важный, как капитан, за ухо вытащил Курта на улицу.

Курт пошел на вокзал, но и там были важные швейцары.

Курт пошел на бульвар, но, как только он лег на лавочку, подошел шуцман и больно стегнул его резинкой.

Так Курт и не спал эту ночь и за-видовал птицам, которых никто не гонял с деревьев. Наконец Курт нашел на берегу гнилую лодку. Он засыпал щели песком, постель сделал из тряпок и газет и стал жить, как мышонок.

И вот, когда стало холодно, он решил уехать в Бразилию. Он каждый день ходил в порт и спрашивал у сторожа, нет ли в порту парохода, который пойдет в Бразилию. Но усатый сторож каждый раз отвечал, что таких пароходов нет.

А жить становилось все хуже и хуже. По ночам Курт коченел от холода и от сырости. Днем он вместе с другими беспризорниками собирал корочки и объедки. Но корочки были все размокшие, потому что все время шли дожди. И Курт часто оставался голодным.

Курт каждое утро ходил узнавать про пароход.

Однажды он, как всегда, пришел и очень вежливо спросил сторожа:

— Господин сторож, скажите, сегодня в порту нет парохода, который пойдет в Бразилию?

— В Бразилию? — рассердился вдруг усатый сторож. — Надоел ты мне со своей Бразилией. Каждый день идут пароходы в Бразилию. И сегодня пойдет пароход в Бразилию. Вот этот пароход пойдет в Бразилию, — сказал сторож и показал на самый большой пароход, в который грузили машины.

Ночью дул страшный ветер и хлестал дождь пополам со снегом. Курт промок сразу, как только вылез из-под лодки. Но он смело перелез через забор и тайком пробрался на пароход. Он спустился в трюм и спрятался между ящиками. Он привык жить, как мышонок, и сидел совсем тихо.

А утром трюм закрыли досками, и пароход пошел в Бразилию.

Курт облазил весь трюм. В углу он нашел мешок с сахаром и ящик с печеньем. От печенья и от сахара очень хотелось пить, но Курт никак не мог найти воды. Он сжег почти все свои спички и наконец нашел воду. Она маленькими капельками собиралась внизу, на железном борту.

Оказалось, что плыть в Бразилию даже лучше, чем жить в родном городе. Только один раз, когда пароход стал очень сильно качаться и ящики закрипели и стали ползать с места на место, Курт испугался, что его задавит.

В трюме нельзя было считать дни и ночи, потому что все время было темно. Но Курт знал, что они плывут уже долго. Он знал это потому, что съел почти пол-ящика печенья.

Наконец пароход загудел и остановился. По палубе загремели шаги. Потом трюм открыли и стали вытаскивать ящики наверх.

Курту очень хотелось поскорее посмотреть на обезьян и на крокодилов, но он просидел в трюме до тех пор, пока грузчики не ушли отдыхать.

Тогда, набив полные карманы печеньем, он выбрался на берег.

Стояла душная темная ночь. Ни бабочек, ни цветов Курт не увидел. Только фонари горели на берегу, такие же яркие или даже ярче, чем в его родном городе. А дальше был темный забор. А за забором город, а в городе дома.

Курт выбрался из порта и поднялся на набережную. Под ногами у него хрустели мелкие камешки. Все кругом пахло морем и цветами.

На набережной росли темные де-

ревья, а под деревьями стояли лавочки. И шуцманов нигде не было.

Тогда Курт улегся на лавочку и решил поспать до утра. А утром он проснулся и сразу узнал Бразилию.

Было очень тепло. На набережной стояли настоящие пальмы. А под пальмами росли высокие кактусы с колючками и красными цветами. И всюду летали бабочки, меньше чем с шапку, но все-таки очень большие. Только обезьян и крокодилов не было, но Курт решил, что настоящая Бразилия начинается дальше, за городом.

В порту стояли огромные пароходы, украшенные разноцветными флагами, как на празднике.

И на домах висели красные флаги, еще краснее, чем цветы на кактусах. И люди, которые шли по набережной, так загорели от солнца, что Курт сразу решил: вот почему бразильцев зовут краснокожими.

И Курт бегом побежал по набережной. Ему хотелось поскорее увидеть обезьян и поесть огромных орехов. А маленькие серые птички пели на

пальмах, и Курту стало весело и хорошо.

Вдруг Курт остановился: по набережной навстречу ему совсем тихо ехало десять пожарных автомобилей.

А из переулка показался отряд военных с оркестром. На военных были белые мундиры, белые сапоги и белые каски. А черные ремешки от касок у всех одинаково лежали на подбородках. Военные шагали рядами. Только один, самый главный, шел сбоку и по-бразильски весело командовал: раз-два, раз-два...

„Это шуцманы“, решил Курт и бегом бросился назад. Вдруг за спиной зажужжало, как будто очень низко летит самолет.

Он обернулся. На набережную выехали танкетки. Сразу двадцать танкеток. На пулеметах у них висели красные флажки. Танкетки жужжали, ползли и гремели цепями.

Курт побежал и уже не оглядывался больше. Он устал и начал задыхаться. Но он бежал все скорей и скорей, все дальше и дальше.

И вдруг там, где набережная заворачивала, он увидел много людей. Они высоко несли знамена и пели.

Тогда Курт бросился к ним и закричал:

— Стойте, стойте! Бегите скорей назад. Там пожарные, там шуцманы, танкетки!

Но они ничего не поняли: ведь Курт не умел говорить по-бразильски. Они засмеялись и пошли дальше.

Курт хватал их за одежды и руками показывал, как стреляют. Но они только смеялись.

Тогда он отошел в сторону, сел на тротуар и заплакал. Ведь ему было всего восемь лет без восьми месяцев.

А мимо все шли и шли с песнями, с флагами и с цветами. И вдруг Курт услышал знакомую песню, ту самую песню, которую пели мама и папа в последний день. И пели эту песню на его родном языке.

Курт разглядел, что люди, которые поют эту песню, несут плакат:

„Да здравствует 1-е Мая!“

Курт бросился к этим людям. Он расставил руки, загородил дорогу и закричал:

— Куда вы идете? Стойте, бегите скорей назад! Там пожарные, шуцманы, танки. Я хотел остановить всех, но я не умею по-бразильски.

Тогда они остановились и окружили Курта.

— Стой, парень! Ты куда попал, ты знаешь? — спросил самый большой из них.

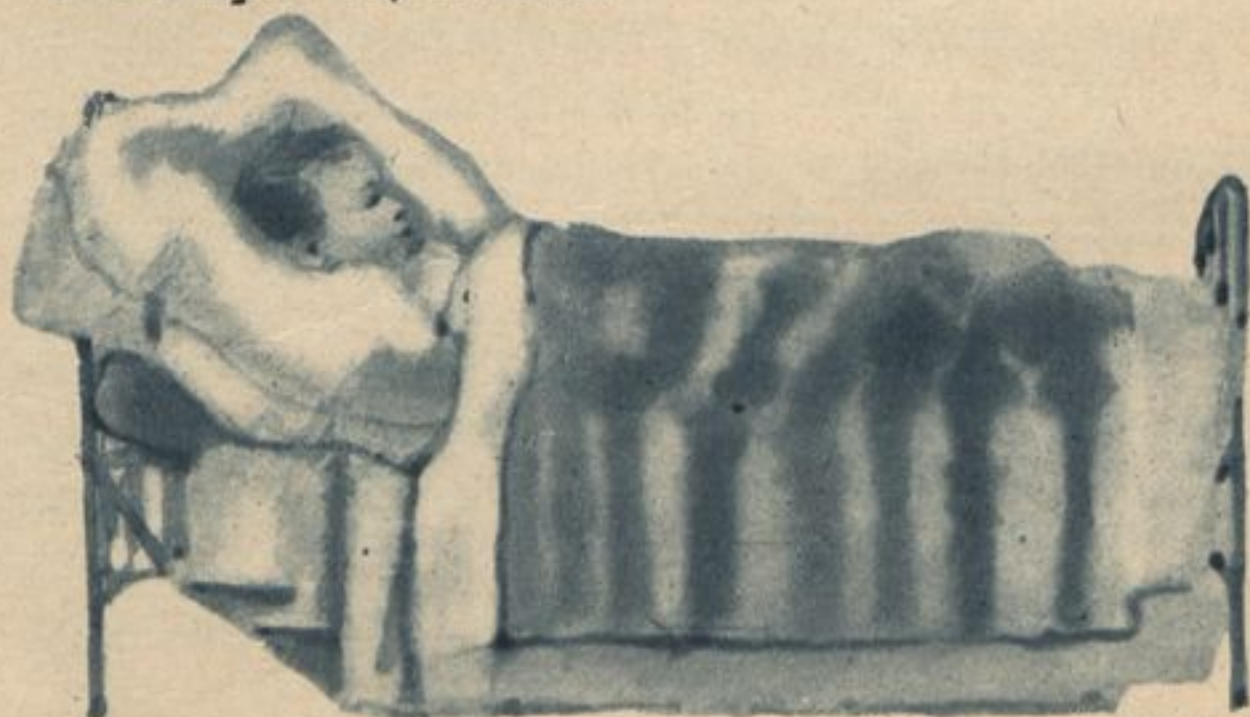
— Конечно, знаю. Это Бразилия, — ответил Курт, и все захохотали.

— Эх, чудак! — сказал самый большой. — В Бразилии там, пожалуй, и вправду так, как ты говоришь. А здесь советский город Батум. Пожарные здесь тушат пожары, танки стерегут границы этой страны, а шуцманов нет совсем. Ты что-то напутал. Это, должно быть, милиционеры. Они охраняют порядок в этой стране. Сегодня день Первого мая, и мы все вместе вышли на улицу встречать этот праздник. И пожарные, и танки, и милиционеры, и мы, моряки с иностранных судов. Пойдем с нами. А потом разберемся, — сказал он и посадил Курта к себе на плечо.

В это время музыканты подняли трубы. Они сверкнули на солнце и заиграли все разом. И опять все пошли и запели:

Заводы, вставайте,
шеренги смыкайте,
на битву шагайте...

А вечером Курт в первый раз за год вымылся в ванне и лег спать в настоящую кровать.

Логоня

В. Татаринов
Худ. В. Веретенников

Расскажу, как я однажды испугался.

Работал я на сахарном заводе, недалеко от села Янков Рог. Раз я задержался до поздней поры: работа была. Выхожу — ночь, хоть глаз выколи. Темно и немного страшно. А итти до деревни, где я ночевал, километра два.

Замесил грязь ногами — в сапогах. Недавно дождь был. А дорога идет плотиной, мимо болота, через луг; потом — лес. Подняться на пригорок — и мое село.

Иду, деревья шумят. Тополя столетние по обеим сторонам дороги.

Думаю о своих делах. Вдруг слышу — кто-то сзади идет. Странно, кто бы это мог быть?

Прислушался — никого. Пошел себе дальше.

Опять кто-то месит грязь ногами: ч-ч-ч... Я остановился.

Опять тихо.

Я пошел быстрее. Слышу — шаги за мной тоже быстрее.

Я — медленнее. Шаги за мной — тоже медленнее.

Остановился — шагов не слышно.

Стало мне страшно: всматриваюсь, но ничего не вижу — темень.

Пошел дальше — слышу шаги. Прислушаюсь — опять тихо. Что такое?

Не выдержал тут я — побежал.

Да много ли пробежишь? Тяжело, вязну в грязи, вспотел. Остановился дух перевести.

Вдруг что-то в спину — тык!

Протянул я, не оборачиваясь, руки назад, да так и подскочил, а глаза от страха на лоб полезли: нащупал я рукой мохнатую, мокрую, страшную морду.

Тут я, несмотря на усталость, припустился, что было силы. А оно, слышу, гонится за мной, вот-вот поймают!

От дома было уже недалеко. Подбежал я к воротам. Не стал я ждать, пока сторож ворота откроет, да через забор. Перелез, а зубы стучат, дрожу весь.

На дворе горит керосиновый фонарь. Сидит сторож.

Успокоился я немного.

Взяли мы со сторожем фонарь, посмотреть, кто гнался за мной. Сторож ружье не забыл захватить. А я вооружился большой палкой.

Открыли ворота. Посветили.

Видим — стоит маленький-маленький теленок, коричневый, с белой звездочкой на лбу. Стоит и смотрит на нас испуганными глазами.

Гнали стадо коров вечером, теленок и отстал. А потом быстро стемнело. Маленькие телята боятся темноты. Стал он на месте — ни взад, ни вперед. Услышал, что я иду, и пошел за мной.

А я испугался.

Но вы не смейтесь, достаточно перетрусил и он!

Стихи А. К. Толстого

Худ. А. Брей

Колокольчики мои,
цветики степные!
Что глядите на меня,
темноглубые?
И о чем звените вы
в день веселый мая,
среди некошенной травы
головой качая?
Конь несет меня стрелой
на поле открытом,

он вас топчет под собой,
бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
цветики степные!
Не кляните вы меня,
темноглубые!
Я бы рад вас не топтать...
Рад промчаться мимо,
но уздой не удержать
бег неукротимый!..

„Дети“

С картины известного русского художника В. А. Серова.

Эта картина находится в Русском музее в Ленинграде.

Зверь бурундук

М. Пришвин
Худ. В. Губин

Можно легко понять, для чего у пятнистого оленя на шкуре везде рассыпаны частые белые пятнышки.

Раз я на Дальнем Востоке шел очень тихо по тропинке и, сам не зная того, остановился возле притаившихся оленей. Я не заметил их под деревьями с широкими листьями, в густой траве. Но, случилось олений клещ больно укусил маленького теленка. Он дрогнул, трава качнулась, и я увидел его и всех остальных. Тут-то вот я и понял, для чего у оленей пятна. День был солнечный, и в лесу на траве были „зайчики“, точно такие же, как у оленей и ланей для того, чтобы им можно было лучше затаиться.

Но долго я не мог понять, для чего у оленя назади, возле хвоста, большой белый кружок, вроде салфетки, а если олень испугается и бросится бежать, то эта салфетка становится еще шире, еще много заметнее. Для чего оленю эта салфетка? Думал я об этом и вот как догадался.

Однажды мы поймали диких оленей и стали их кормить в домашнем питомнике бобами и кукурузой. Зимой, когда в тайге с таким трудом оленю достается корм, они ели у нас готовое и самое любимое, самое вкусное в питомнике блюдо. И они до того привыкли, что, как завидят у нас мешок с бобами, бегут к нам и толпятся возле корыта. И так жадно суют морды и спешат, что бобы и кукуруза часто падают из корыта на землю. Голуби это уже заметили; прилетают клевать зерна под самыми копытами оленей. Прибегают также собирать падающие бобы бурундуки эти небольшие, совсем похожие на белку, полосатые, прехорошенькие зверьки.

Трудно передать, до чего ж пугливы эти пятнистые олени и что только может им представиться. В особенности же пуглива у нас была самка наша, красавица Хуа-лу.

Случилось раз, она ела бобы в корыте рядом с другими оленями. Бобы падали на землю,

голуби и бурундуки бегали возле самых копыт оленей. Вот Хуа-лу нечаянно наступила копытцем на пушистый хвост одного зверька. Бурундук в ответ впился в ногу оленя. Хуа-лу вздрогнула, глянула вниз, и ей, наверно, бурундук представился чем-то ужасным. Как она бросится! И за ней разом все на забор и — бух! Забор наш повалился.

Маленький зверек бурундук, конечно, сразу отвалился. Но испуганной Хуа-лу казалось, что теперь за ней бежал, неся по ее следам не маленький, а огромный зверь бурундук. Другие олени ее понимали по-своему и вслед за ней стремительно неслись. И все бы эти олени убежали, и весь наш большой труд пропал бы, но у нас была немецкая овчарка Тайга, хорошо приученная к этим оленям. Мы пустили вслед за ни-

ми Тайгу. В безумном страхе неслись олени, и, конечно, они думали, что не собака за ними бежит, а страшный, огромный зверище бурундучище.

У многих зверей есть такая повадка, что если их гонят, то они бегут по кругу и возвращаются на то же самое место. И олени тоже так неслись долго по горам и долам и вернулись к тому же самому месту, где им и сытно и тепло.

Так вот и вернула нам оленей отличная, умная собака Тайга. Но я чуть было не позабыл о белых салфетках, из-за чего я завел этот рассказ. Когда Хуа-лу от страха бросилась через упавший забор, то у ней на бегу назад белая салфетка стала много шире, много заметней. В кустах только и видна была одна эта мелькающая белая салфетка. По этому белому пятну бежал за ней другой олень и сам тоже показывал следующему за ним оленю свое белое пятно. Вот тут-то я и догадался впервые, для чего эти белые салфетки у пятнистых оленей. В тайге ведь не только бурундук, там и волк, и леопард, и сам тигр. Один олень заметит врага, бросится, покажет белое пятнышко и спасает другого. Этот спасает третьего. И все вместе приходят в безопасное место.

разноцветная Зина

Стихи А. Барто
Худ. Л. Попова

Шутка-скороговорка

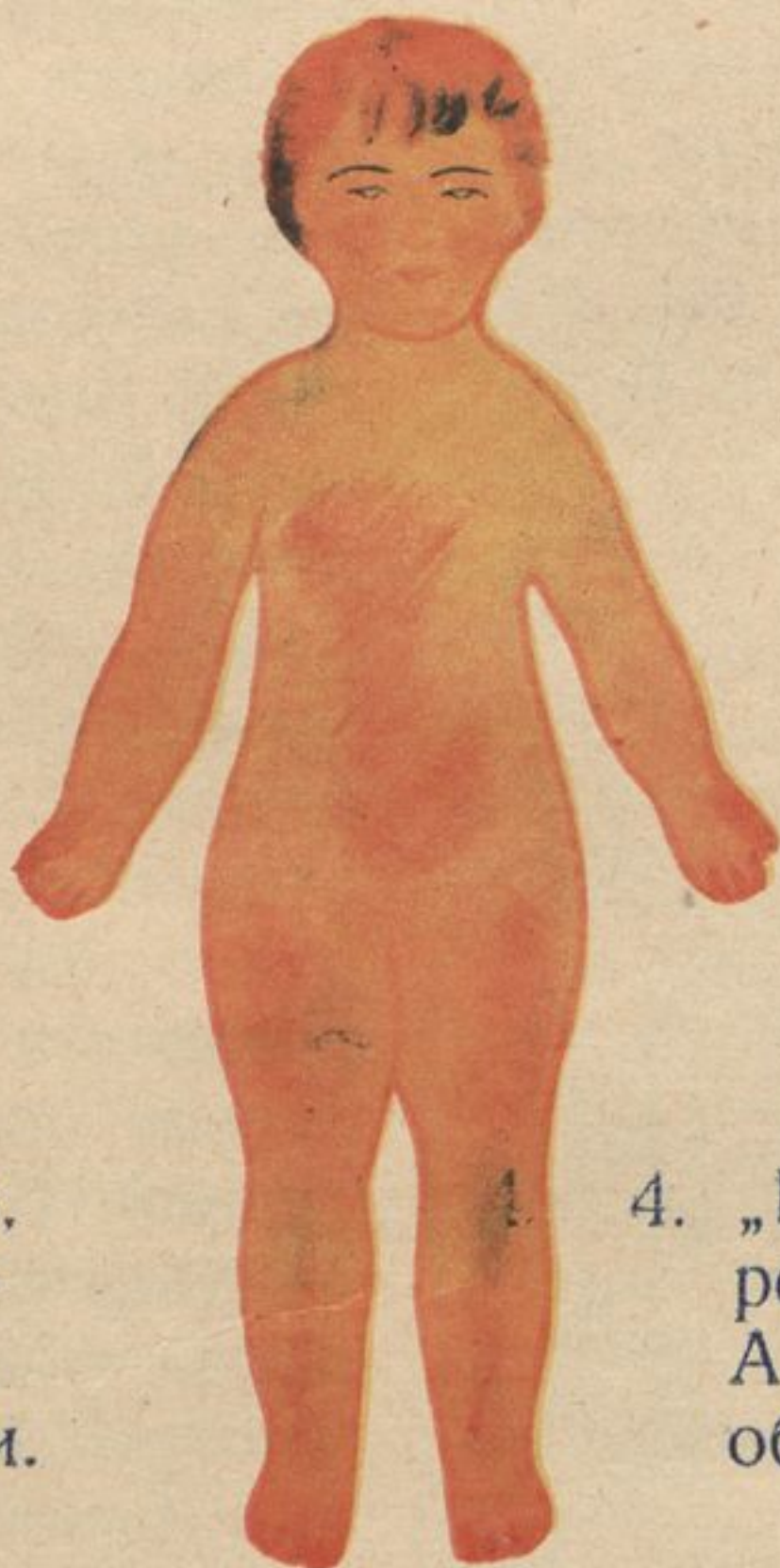
1. Резиновую Зину
купили в магазине.
Резиновую Зину
в корзине привезли.

3. Мы вымоем в бензине
резиновую Зину.
Мы вымоем в бензине
и пальцем погрозим:

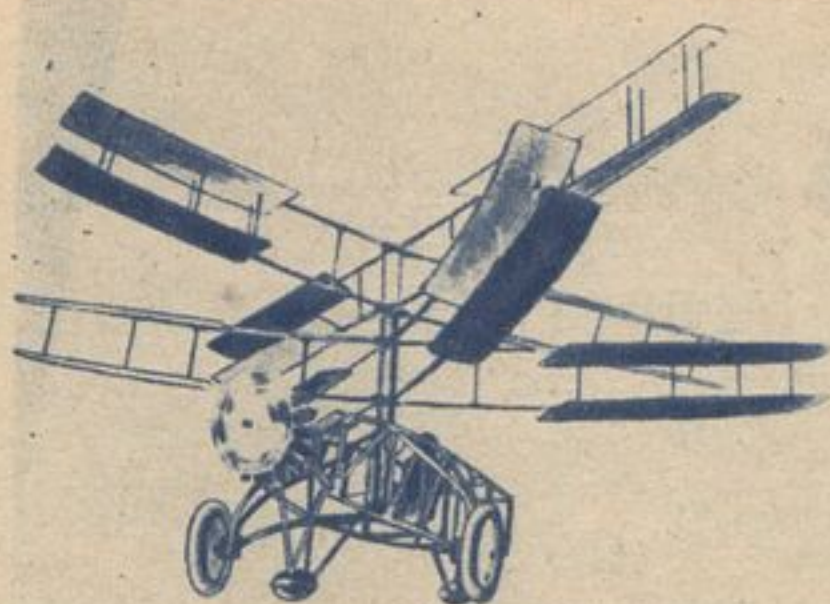
2. Она была разиней,
резиновая Зина, —
упала из корзины,
измазалась в грязи.

4. „Не будь такой разиней
резиновая Зина!
А то отправим Зину
обратно в магазин“.

Вверх

вниз

А. Абрамов
Худ. Д. Смирнов

Аэросани мчатся потому, что их толкает пропеллер. Самолеты мчатся потому, что их тянет или толкает пропеллер. Кажется, очень просто: поставить пропеллер так, чтобы он тянул вверх и легко ввинтился на любую высоту. С таким пропеллером захочешь — подымешься в воздухе; захочешь — опустишься.

Нужно, скажем, знать артиллеристам, правильно ли они стреляют. С земли этого не видно, надо посмотреть с большой высоты.

Надувают легким газом — водородом — воздушный шар — аэростат. Поднимается в корзинке аэростата наблюдатель. Чтобы аэростат не улетел по ветру, к корзинке привязан крепкий стальной канат. Другой конец каната привязан к катушке на земле. Получается привязной аэростат. Наблюдатель по телефону сообщает артиллеристам, метко ли они стреляют.

— Плохо, — говорит, — недолет.

Дальше стреляют артиллеристы.

— Плохо, — говорит, — перелет!

Ближе бьют артиллеристы.

— Вправо, — говорит, — возьмите!

Поворачивают артиллеристы вправо.

— Цель! — радуется наблюдатель.

Да вот беда: в большой шар врагу попасть легко. Привязные аэростаты часто подбивают. Построить бы совсем маленький аппарат с пропеллером, взлететь и направлять стрельбу. И попасть врагу будет трудно и быстро спуститься легко.

С пропеллером, ввинчивающимся прямо вверх, может получиться замечательная машина. Такая машина может с любой площади города подняться и на любую площадь опуститься.

С самолета очень трудно попасть бомбой, куда нужно: ведь он остановиться в воздухе не может; а машина, которую

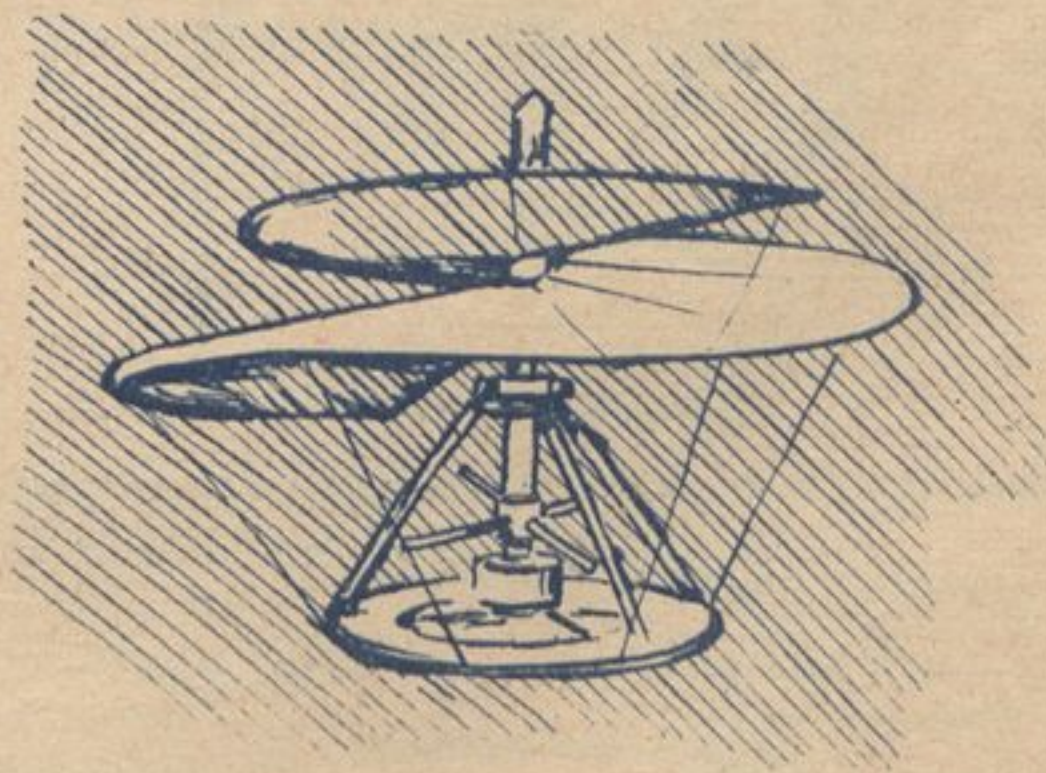
пропеллер поднимает прямо вверх, точно сбросит бомбу и скорее умчится назад.

Много лет уже строят аппараты, чтобы подниматься прямо вверх. Назвали их — геликоптеры. Это два греческих слова соединены: „геликос“ — винт и „птерон“ — крыло. Получилось „геликоптер“ — винтовое крыло, или, еще точнее, винтокрыло.

Строить геликоптеры первым предложил знаменитый итальянский ученый и художник Леонардо да-Винчи. Это было 460 лет тому назад. Леонардо да-Винчи нарисовал аппарат, который здесь показан. Внизу круглая площадка, в середине стоит ось, а сверху оси укреплена как будто часть винта мясорубки. Леонардо да-Винчи писал, что, если этот винт закрутить, он поднимется вверх. Только не известно, чем его крутить.

Когда жил Леонардо, были изобретены только водяные двигатели. Паровые машины изобрели примерно через 300 лет после смерти Леонардо, а бензиновые еще позже.

Может быть, Леонардо думал, что люди будут стоять на площадке геликоптера и вращать винт руками. Конечно, это невозможно: люди слишком слабы.

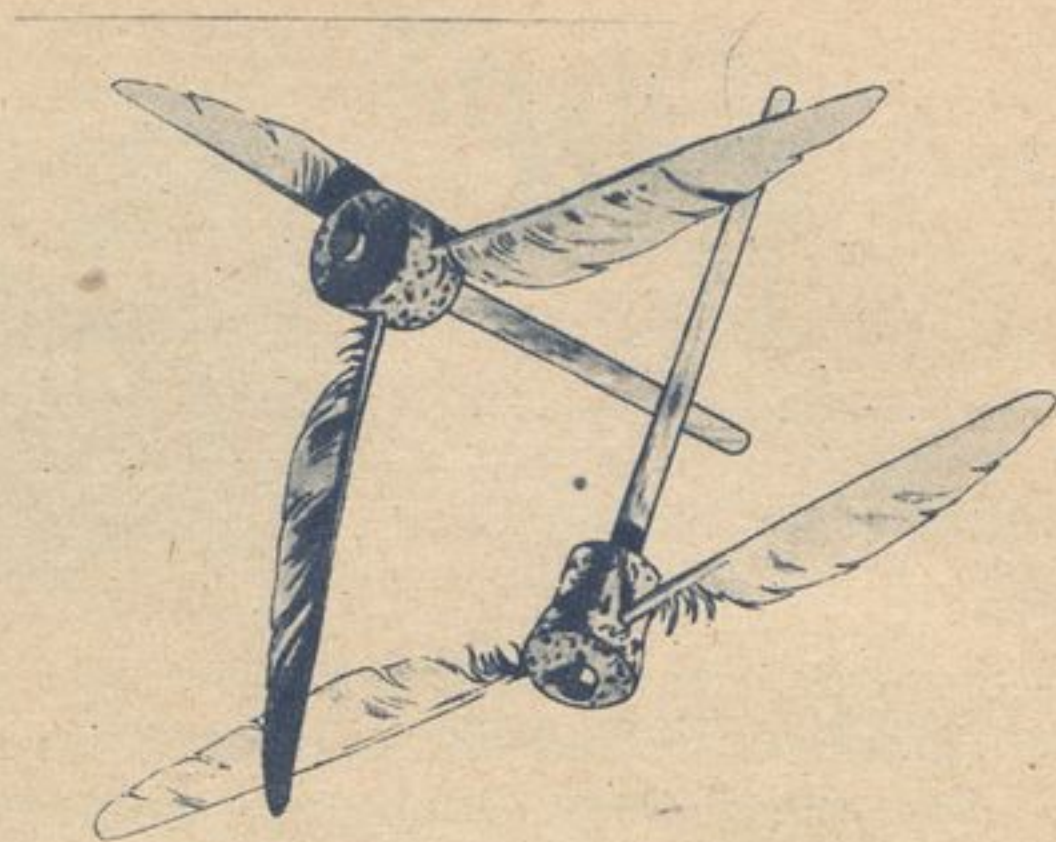
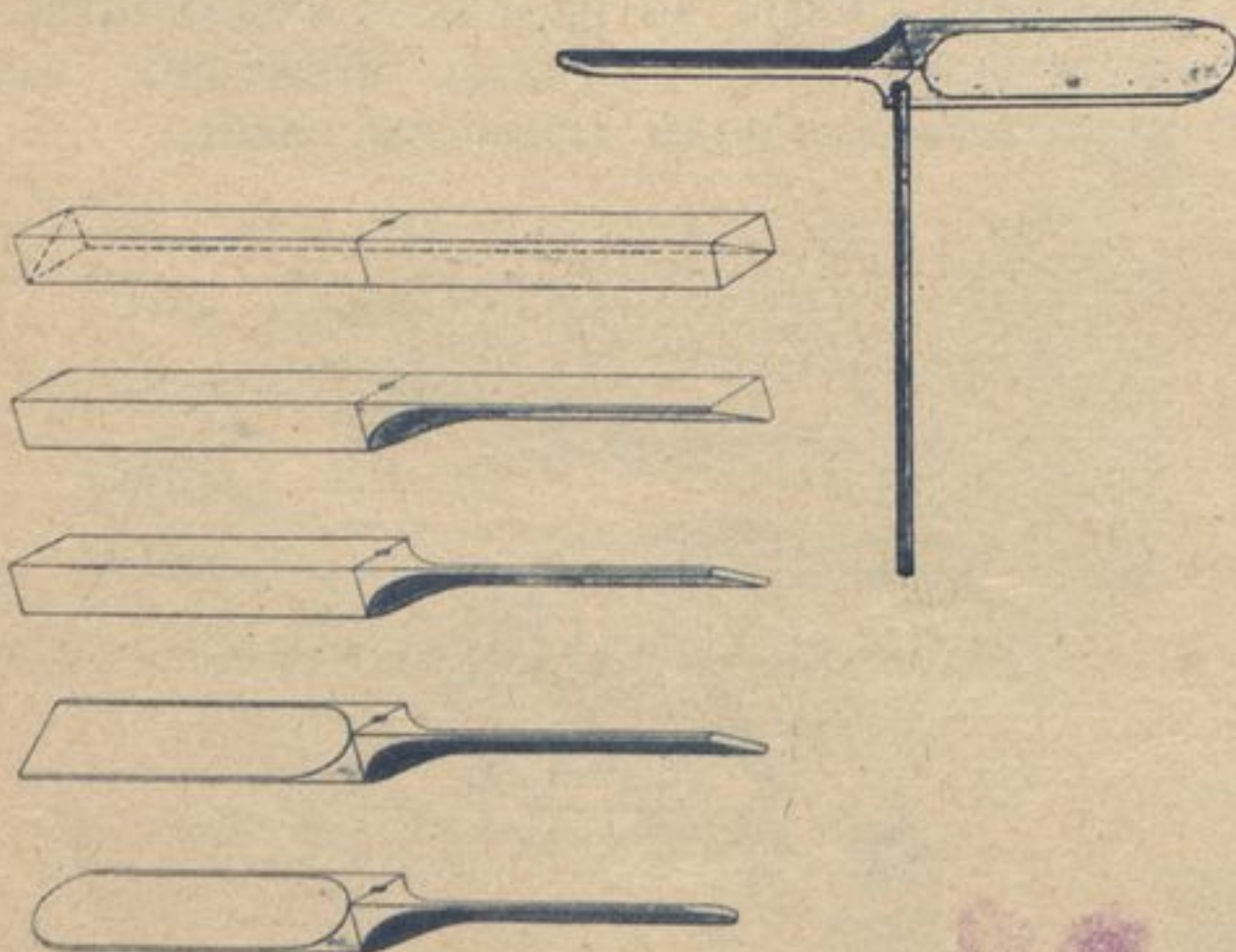
Со времени Леонардо да-Винчи прошло больше четырехсот лет, а еще ни один изобретатель не додумался, как сделать хороший геликоптер. Самолеты летают при самом сильном ветре. Поднимаются выше самых высоких гор. Наш летчик, герой Советского союза, Громов летал на советском самолете 75 часов подряд, не опустившись на землю. А самые лучшие геликоптеры еще еле поднимаются на высоту шестиэтажного дома и летают всего по нескольку минут. Чуть подует ветер, геликоптер раскачивается и падает на землю.

Хороший геликоптер мы еще не научились строить, но хорошую модель сделать очень легко. Нужен только винт — пропеллер — и палочка, а из инструментов — нож и ножницы. Пропеллер вырежьте из дощечки длиной в 20 сантиметров, шириной в 2 сантиметра и толщиной в 1 сантиметр.

Лучше всего, если удастся раздобыть липовую дощечку. Липа очень мягкая, из нее легко вырезать. Прежде всего заготовленную дощечку нужно разметить. Отмерьте середину и проведите вокруг дощечки карандашом черточки. Чтоб не спутать, какие стороны дощечки нужно срезать, проведите линии на обоих концах, из угла в угол.

Теперь постепенно вырезайте. Сначала срежьте дерево с одной стороны, потом с другой — готова одна лопасть.

То же самое сделайте с другой стороны планки.

Остается закруглить лопасти, проткнуть шилом отверстие для оси — и пропеллер готов.

Палочку сделайте круглой, толщиной в $\frac{1}{2}$ сантиметра, длиной в 15 сантиметров.

В пропеллере сделайте концом ножниц отверстие и забейте в него палочку. Получится винт с деревянной осью, как у нас на рисунке. Вот и все.

Зажмите палочку с пропеллером между ладонями, крутите ее, и пропеллер быстро взлетит.

Если все сделано правильно и точно, пропеллер поднимется выше двухэтажного дома и медленно опустится. Такая модель хорошо летает и при ветре.

Эта модель очень проста. Но можно сделать еще проще. Воткните в пробку два хороших одинаковых гусиных пера, такую же палочку, как в геликоптере с деревянным пропеллером, и все готово. Только перья нужно наклонить так же, как лопасти пропеллера. Чтобы перья не поворачивались в пробке, приклейте их. Можете сделать пропеллер геликоптера из трех или четырех перьев.

Если представить себе настоящий геликоптер примерно такой конструкции, как наша модель, но такого большого размера, что в „палочке“ сможет сидеть человек, летчику будет невозможно летать: у него закружится голова. Поэтому почти все изобретатели строят геликоптеры с двумя пропеллерами: один вращается в одну сторону, другой — в другую, а снизу — мотор, и сиденье летчика

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. Два отца и два сына застрелили трех зайцев, но домой каждый принес по одному зайцу. Как это вышло?

2. Был такой человек, у которого рук было больше, чем перчаток. Сколько у него было перчаток?

3. Когда мой дедушка был маленьким, он заболел и умер. Где его похоронили?

4. Мать с дочерью, да мать с дочерью, да бабушка с внучкой. А всех их сколько?

Что это такое?

Пушистая вата
плывет куда-то.
Чем вата ниже,
тем дождик ближе.

Что за зверь: в зиму ест, а летом спит; тело теплое, а крови нет; сядешь на него, а с места тебя не свезет?

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Встретились школьники.
Разговорились.

— Я, — сказал один, — знаю слово, имеющее семь одинаковых букв!

— А я, — сказал второй, — знаю слово, которое имеет сорок букв, и тоже все одинаковые!

— Мое слово все-таки самое удивительное! — заявил третий. — В нем в одном сто гектаров!

Какие это были слова?

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответственный редактор Н. Венгров.

Оформление Веретенникова В.

Сдано в набор 16/IV 1935 г.
Уполном. Главлита № Б-5693.

Подписано к печати 8/V 1935 г.

Объем 3 печ. листа.

Ст. формат 62 × 94 — 1/8 листа

Заказ № 1719.

Тираж 150.000.

Типография „ГУДОК“, Москва, улица Станкевича, 7.

Е. Благинина
Худ. А. Брей

Три-четыре, чет и нечет —
ловко прыгает кузнечик!
Чет и нечет, раз и два —
он зеленый, как трава.

Три-четыре, чет и нечет —
где трава, а где кузнечик?
Чет и нечет, раз и два —
где кузнечик? где трава?